

Многомерность юридических фактов

Анна Анатольевна Шафалович

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории права
УО «Белорусский государственный экономический университет»
Тел.: +375291064734
Email: shafalovichy@gmail.com

Данная статья исследует различные аспекты нетипичные для «механической юриспруденции» свойства юридических фактов – их многомерности. В результате исследования автор делает вывод о то, что многомерность юридических фактов представлена фактической, юридической и терминологической, поведенческой, документальной и иными сторонами.

Ключевые слова: теория юридических фактов, механическая юриспруденция, квантово-физический подход, методология, многомерность, многоуровневость.

The Multidimensionality of Legal Facts

This article explores the multidimensionality of legal facts in their various aspects, which are considered atypical in “mechanical jurisprudence.” As a result of the research, the author concludes that the multidimensionality of legal facts is represented by actual, legal and terminological, behavioral, documentary, and other aspects.

Keywords: theory of legal facts, mechanical jurisprudence, quantum-physical approach, methodology, multidimensionality, multilevelness.

Постнеклассическая методология с её нелинейностью, многоуровневостью, многомерностью, признанием самоорганизации неравновесных систем, интеграцией различных типов знания получает всё большее применение также в теории юридических фактов. В рамках предложенного нами квантово-физического подхода к исследованию юридических фактов (Shafalovich, 2020, s. 147–153), проявляется нетипичное для т.н. «механической юриспруденции» свойство юридических фактов – их многомерность.

В научной литературе уже встречаются высказывания о том, что «юридические факты не являются однопорядковыми категориями» (Miroshnikova, 2005, s. 13), что сопряжено со свойствами многоуровневости и многомерности юридических фактов. Однако эти свойства хоть и взаимосвязаны, но не идентичны. И если многоуровневость уже исследуется давно, то вопрос о многомерности юридических фактов поставлен недавно и пока не стал объектом самостоятельного исследования. Системное восполнение данного пробела в научном знании предлагается в настоящем исследовании.

Received: 12/11/2020. **Accepted:** 22/12/2020

Copyright © 2021 Hanna Shafalovich. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

Спорадически отдельные элементы, связанные с многомерностью юридических фактов, «проскальзывали» при изучении их многоуровневости, в том числе в нашей кандидатской диссертации в вопросе различия системы понятий теории юридических фактов (термины) и системы фактов (Dvorcekaa, 2007, s. 58, 72). Однако первым открыто вопрос о многомерности юридических фактов озвучил В. А. Витушко (Vitushko, 2018, s. 163–166). Относительность понятий «юридический факт» и «юридический состав» он объясняет «тем, что все природные и социальные явления не мономерные, а многомерные, как минимум двоичные. А значит, и всякий юридический факт должен быть, как минимум, двоичным. Причем многомерность имеет массу аспектов. Это и сложность внутренней структуры, и сложное содержание, и разнообразие признаков, и множественность функций всякого явления природы и обществе, и др. Это позволяет говорить о единстве множества множеств в гражданском праве, комплексности, в частности, применительно к юридическим фактам».

В плане многомерности отдельного разговора заслуживает различие системы понятий теории юридических фактов, представленная терминами, и системы самих фактов (Shafalovich, 2008, s. 138–139), что позволяет уточнить уровень развития правовой науки и практики прошлого. Оба понятия отличаются по уровню обобщенности. Первая система оперирует абстрактными понятиями, а вторая – конкретными явлениями или процессами. Система понятий теории юридических фактов требует высокого уровня теоретического знания и высвечивает системные связи в плоскости классификации юридических фактов. Система понятий теории юридических фактов воспроизводит основные понятия классификации, в первую очередь, согласно критерию воли, как ведущему: охватывая факты низшего и более высокого уровня абстрактности, она систематизирует по степени обобщенности и абстрактности разнопорядковые понятия. В этом проявляется их многоуровневость.

Система самих фактов упорядочивает конкретные, равнозначно оцениваемые факты в рамках большой фактической системы права, единого правопорядка. А именно, все они независимо от уровня абстрактности понятий и терминов, в которых выражены, есть атомы правового поля, мельчайшие частицы правовой материи на подобие атомов физической реальности. Понятие «система фактов» указывает на единичные обстоятельства социальной практики, факты низшего порядка обобщения, максимально приближенные к юридической практике и казуистике.

Если не различать систему понятий теории юридических фактов и систему реальных фактов, возможны следующие логические ошибки.

Первая ошибка: якобы, чтобы явлению действительности стать «фактом» необходима привязка к «определенной понятийной системе», хотя бы, например, научной теории (Teoria gosudarstva i prava, 2005, s. 430). На самом деле факты остаются фактами, как бы их не называли, и не зависят от того, сформирован ли термин для их обозначения. Они либо объективно существуют, либо нет.

Вторая ошибка проистекает из идеи А. Е. Рябова о том, что факты становятся юридическими только после правовой квалификации, а не на стадии правового регламентирования (регулирующего): «В процессе юридической квалификации жизненное обстоятельство, в социальном смысле имеющее «свою физиономию», в юридическом смысле типизируется, подгоняется под характеристики, выработанные правом, и, получая место в ряду правовых явлений, становится юридическим фактом» (Riabov, 2005, s. 20). В нашем понимании, раз юридические факты влекут юридические последствия, то как явления социальной практики они уже распознаны правовой системой и де-факто признаны ею юридическими.

Далее А. Е. Рябов пишет, что «сами по себе акты поведения субъектов и другие социальные явления не способны быть отнесенными к категории юридических фактов. Таковыми они становятся лишь в том случае, если закон содержит характеристические признаки, служащие основаниями для их юридической квалификации (оценки)» (Riabov, 2005, s. 22).

Отметим, что, говоря о юридической квалификации, А. Е. Рябов имеет в виду именно стадию правоприменения. Говоря «о возможности использования или применения нормы (норм) права в целях регулирования порожденного этим явлением правового отношения», он, образно выражаясь, поставил телегу впереди лошади, поскольку правовое урегулирование предшествует применению права.

По этому поводу отметим следующее. Поскольку стадия правоприменения с ее правовой квалификацией выступает не обязательной, а факультативной, то не все юридические факты «доходят» до момента юридической квалификации. Полагаем, что факт может быть правовым сам по себе, в силу соответствия признакам юридических фактов или в силу их соответствия абстрактной модели в правовой норме. В конечной правовой квалификации юридический статус фактам реальности лишь подтверждается де-юре, а де-факто он был.

Новейшая белорусская судебная практика, в первую очередь, практика по делам из административных правоотношений, в качестве юридических фактов, к великому сожалению, использует факты социальной действительности, не обладающие свойствами юридических фактов. Считаем недопустимой подобную практику особенно в отраслях права, связанных с государственным обвинением. В этих отраслях права средством укрепления правовой законности и обоснованности привлечения к негативной, ретроспективной юридической ответственности является монополия юридических фактов на статус основания для движения правоотношения.

Такая монополия означает признание юридических фактов, как единственных оснований для движения правоотношения, и достигается путём их легального дефинирования, как это сделал украинский законодатель (*Grazhdanskij kodeks Ukrainy, 2003*). Дав легальную дефиницию понятию юридических фактов, можно ввести в правовое поле социальные факты еще на более ранней стадии правового регулирования – правотворчества, правообразования.

Третьей ошибкой является утверждение об отсутствии системы понятий теории юридических фактов в правовых системах прошлого только на том основании, что она отлична от современной. В белорусской правовой системе, пожалуй, за исключением инновационной сферы, в силу развитости правовой науки почти все юридические факты соотносятся с понятиями. Однако, одни и те же юридические факты могут именоваться по-разному в разных государствах и правовых системах, и даже в одних и тех же системах, но в разное время.

Примечательно, что большинство понятий, оперируемых теорией юридических фактов, как и понятий вообще, обозначают не материальные, а идеальные (абстрактные) объекты, в силу чего Н. Ф. Ковкель отмечает «отсутствие фактуальных аналогов у большинства правовых понятий» (Kovkel, 2017, s. 38–58). Отметим, что в отношении к теории юридических фактов данное утверждение не «срабатывает»: как раз наоборот – много фактов и не всегда имеются соответствующие им понятия, как то имеет место в инновационной сфере.

Не так давно в исследованиях юридических фактов появилось понимание юридических фактов, как абстрактной модели реальных явлений и процессов, т.е., их третье измерение. Данное нами разграничение системы понятий теории юридических фактов и системы самих юридических фактов (Dvoreckaa, 2007, s. 72) появилось раньше тезиса М. А. Рожковой о разграничении «правовой модели обстоятельств» и «юридического факта». Под правовой моделью обстоятельств она понимает абстрактное (типичное) обстоятельство, которое закреплено в гипотезе нормы права

(или нескольких норм права) и с которыми норма права связывает возникновение определенных последствий. Юридический факт, считает она, традиционно понимается как реально существующее жизненное обстоятельство – явление или процесс (Rozhkova, 2006, prilozhenie k № 7).

А. В. Коструба также пишет о юридических фактах как «явлении правовой действительности, правовая модель которых отражена в норме права» (Kostruba, 2014, s. 19). М. А. Рожкова полагает, что при определении юридического факта нужно основываться на понимании его как реального жизненного обстоятельства, и только его дефиниция должна объединять следующие признаки: во-первых, закрепление в норме права абстрактной модели этого обстоятельства, с наступлением которого связываются определенные последствия, во-вторых, фактическое (реальное) наступление этого жизненного обстоятельства, в-третьих, возможность порождать правовые последствия (Rozhkova, 2006, prilozhenie k № 7, s. 6–9).

Надо учитывать, что «методологической базой формирования понятия юридического факта, безусловно, служит общефилософская концепция факта, как зафиксированного средствами научного познания модели того или иного явления, имеющей свойства инвариантности, конкретности, индивидуальности, преемственности, повторяемости, описательности, статичности, полученной эмпирическим путем и обладающей объективно-истинным содержанием. В то же время юридически факт характеризуется значительным своеобразием по сравнению с общефилософским содержанием факта» (Karpunina, 2010, s. 12). Если «в общефилософском плане факт сориентирован в основном на обслуживание теории познания, то в юриспруденции он работает как в сфере познания (например, в теории доказательств, правовой квалификации), так и в иных направлениях (элемент механизма и метода правового регулирования)» (Sinukov, 1984, s. 37–38).

Абстрактная модель не воспроизводит доподлинно само жизненное обстоятельство, как не воспроизводит физическую реальность фотография. По этому поводу В. Н. Синуков подмечает, что юридический факт и реальное жизненное обстоятельство не совпадают, в частности, при использовании юридической фикции (Sinukov, 1984, s. 24). К слову, правовая фикция – это технико-юридический прием, т.е., тоже модель, который сам по себе не порождает правовых последствий. Правовое значение имеет решение правоприменительного органа (юридический факт). «Тем не менее, необходимо признать справедливой точку зрения, согласно которой конкретная правовая модель реального события или действия, зафиксированная определенными процессуальными способами, также является юридическим фактом» (Akushev, 2003, s. 17).

В. Б. Исаков, первым отметивший «модельный аспект» юридических фактов, для обозначения конкретной правовой модели реального события или действия, зафиксированных процессуально использовал понятие «факта-модели» (Isakov, 1980, s. 9). Природа факта-модели состоит в том, что эта модель является юридическим отражением реального явления. Т.е., согласно его мнению, юридическим фактом надо считать не только конкретное жизненное обстоятельство, обладающее признаками такого факта, но и модель жизненного явления, зафиксированную определенными процессуальными способами и обладающую признаками юридического факта (например, решение о компенсации морального вреда решение суда).

Абстрактную модель фактического обстоятельства Н. В. Разбейко именуется как «описание предполагаемого факта, с наступлением которого начинает действовать данная норма права (и только после этого факт из жизни приобретает статус юридического)» (Razbejko, 2017, s. 178–185). Н. В. Разбейко пишет: «С наступлением реального жизненного обстоятельства начинает действовать данная норма права (и только после этого факт из жизни приобретает статус юридического). Таким образом, нормативно закрепляется не юридический факт и не жизненное обстоятельство, а только его описание» (Razbejko, 2017, s. 183). В свете вышесказанного нами и

понимания юридического факта как способа бытия права последнюю часть утверждения считаем неоправданной: нормативно закрепляется правовая модель или описание.

Н. В. Разбейко пишет: «Юридические факты – это всегда факты однократного действия, которые подтверждают жизненные обстоятельства, произошедшие на определенную дату времени, в определенном месте, с конкретными лицами» (Razbejko, 2016, s. 190). В свете трединства в понимании юридических фактов подчеркивание индивидуальности, неповторимости юридических фактов приемлемо только в ипостаси фактических обстоятельств конкретной жизненной ситуации, поскольку создание нормы права и понятия нацелено на многократное использование и выявляет типичное, абстрактное и обобщенное знание. Суть различия фактического явления и его модели В. А. Кучинский формулирует так: «Модель – это явление стандартного характера, но не индивидуального» (Kuchinskij, 2008, s. 227).

Перечень аспектов юридических фактов можно продолжить. Например, у юридических актов различимы поведенческая и документальная стороны, что вытекает из двойности понимания юридического акта как документа и вида юридически значимого поведения. Тем самым, можем констатировать более, чем троичное измерение юридических фактов.

Таким образом, понятие юридических фактов не просто многоуровневое, а многомерное, и широкое понимание юридического факта увеличивает его многомерность. Многомерность юридических фактов – это их многоаспектность, которая представлена фактической, юридической и терминологической и иными сторонами. В плоскости физической реальности они существуют как конкретные жизненные обстоятельства, в плоскости источников права (норм права) – как абстрактные модели таких обстоятельств социальной практики, отражаемые правовой нормой, в плоскости теории юридических фактов – как понятия и категории, отраженные в терминах.

Использованные источники и литература

Нормативные акты

Grazhdanskij kodeks Ukrainy (2003) [jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://meget.kiev.ua/kodeks/grazhdanskiy-kodeks/glava-2/>.

Научная литература

Vitushko V. A. (2018). O roli doktriny v opredelenii ponjatija juridicheskikh faktov i ih pravoprimerenii. *Pravo v sovremennom mire: sostojanie i vektor razvitiya: materialy VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Ekaterenburg, 7 dekabnja 2017 g. / Ural'skij institut upravljenja – filial RANHiGS pri Prezidente Rossijskoj Federacii. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UIU (f) RANHiGS, 163–166.

Dvoreckaja, A. A. (2007). *Stanovlenie teorii juridicheskikh faktov v rimskoj jurisprudencii i ee razvitie*: dis. ... kand. jurid. nauk, 12.00.01. Minsk.

Isakov, V. B. (1980). *Fakticheskij sostav v mehanizme pravovogo regulirovanija*. Saratov: Izd.-vo Saratov. un-ta.

Karpunina, N. A. (2010). *Juridicheskie fakty v pensionnom obespechenii Rossijskoj Federacii*: dis. ... kand. jurid. nauk, 12.00.05. Moskva.

Kovkel', N. F. (2017). Semiotika prava: problemy opredelenija osnovnyh konceptov i vybora paradigmy. *Izvestija vychshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 38–58.

Kostruba, A. V. (2014). *Juridicheskie fakty grazhdanskih pravootnoshenijv mehanizme pravoprekrashhenija*. Kiev: In Jure.

Kuchinskij, V. A. (2008). *Sovremennoe uchenie o pravovyh otnoshenij*. Minsk: Integralpoligraf.

Miroshnikova, Zh. Ju. (2005). *Funkcii juridicheskikh faktov po rossijskomu zakonodatel'stvu*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk, 12.00.01. Rostov-na-Donu.

Rozhkova, M. A. *Juridicheskie fakty v grazhdanskom prave* [jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://rozhkova.com/ARTICLE/JUR_FACTI.html.

- Rjabov, A. E. (2005). *Juridicheskie fakty v mehanizme pravovogo regulirovanija*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk, 12.00.01. N. Novgorod.
- Sinjukov, V. N. (1984). *Juridicheskie fakty v sisteme obshhestvennyh otnoshenij*: dis. ... kand. jurid. nauk, 12.00.01. Sverdlovsk.
- Teorija gosudarstva i prava* (2005). Pod red. V. K. Babaeva. Moskva: Jurist#.
- Shafalovich, A. A. (2019). „Operezhajushhij jeffekt“ kak osnovnoe trebovanie k pravovomu regulirovaniju innovacionnogo tipa. *Problemy pravovogo regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij: teorija, zakonodatel'stvo, praktika*: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Brest, 23–24 nojab. 2018 g. / BrGU im. A. S. Pushkina. Brest: Izd-vo BrGU, 200–209.
- Shafalovich, A. A. (2020). Teorija juridicheskikh faktov v kontekste kvantovoj fiziki. *Teisé*, 115, 147–153, <https://doi.org/10.15388/Teise.2020.115.10>
- Shafalovich, A. A. (2008). Juridicheskie fakty v rimskom prave: problema sistematizacii i obobshhenija. *Pravo i demokratija*: sb. nauch. tr. BGU. Vyp. 19. Minsk: BGU, 131–140.
- Jakushev, P. A. (2003). *Juridicheskie akty i postupki kak osnovanija pravootnoshenij*. Vladimir: VGPU.

The Multidimensionality of Legal Facts

Hanna Shafalovich

(Belarus State Economic University)

S u m m a r y

If the object of research of “mechanical jurisprudence” in the field of the legal facts theory was the property of their multilevelness, then for the quantum-physical approach, the object of research is the multidimensional property of legal facts. The multidimensionality of legal facts is represented by factual, legal and terminological, behavioral, documentary, and other aspects. In the plane of physical reality, legal facts are represented by concrete life circumstances; in the plane of sources of the law (norms of law) – by abstract models of such circumstances in social practice, reflected by a legal norm; in the plane of the theory of legal facts – by concepts and categories, reflected in terms.

Многомерность юридических фактов

Анна Анатольевна Шафалович

(Белорусский государственный экономический университет)

Р е з ю м е

Если объектом исследования «механической юриспруденции» в области теории юридических фактов было свойство их многоуровневости, то для квантово-физического подхода объектом исследования становится свойство многомерности юридических фактов. Многомерность юридических фактов представлена фактической, юридической и терминологической, поведенческой, документальной и иными сторонами. В плоскости физической реальности юридические факты существуют как конкретные жизненные обстоятельства, в плоскости источников права (норм права) – как абстрактные модели таких обстоятельств социальной практики, отражаемые правовой нормой, в плоскости теории юридических фактов – как понятия и категории, отраженные в терминах.

Ana Šafalovič, teisės mokslų kandidatė (2007), docentė (2009). Mokslinių interesų sritys: teisinių faktų teorija, teisės teorija, teisės sociologija, žmogaus teisės, konstitucinė teisė.

Hanna Shafalovich, candidate of sciences (Law) (2007), associate professor (2009). Research interests: theory of legal facts, theory of law, sociology of law, human rights, constitutional law.